

А. В. Гладышев

КАЗАКИ ВО ФРАНЦИИ В 1814 г.: ОБРАЗ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

УДК 94(44)«1814»

ББК 63.3(2)521.1-686

В статье рассматривается образ «казака», сложившейся у французов в 1814 г. и функционирующий в коллективной памяти последующих поколений. В центре внимания находится историческая память историков, французских авторов первой половины — середины XIX в., описывавших события 1814 г., когда еще была жива коммуникативная память об этом времени. Рассматриваются как ментальные, так и материальные «места памяти», связанные с казаками: топонимы, лингвистические и культурные заимствования, муниципальные сайты. Образ «казака» в сознании французов — феномен большой длительности, символ России. Французская историография — один из важнейших каналов формирования этого образа. Историографическая традиция изображения казака содержит многочисленные штампы, восходящие к наполеоновской антирусской пропаганде. В первичных источниках понятие «казак» используется в разных смысловых значениях и, порой, не имеет никакого отношения к собственно казакам. Художественная литература середины XIX в., эксплуатируя тему крестьян, защищающих самих себя от иноземных захватчиков, закрепила в коллективной памяти французов образ казака-варвара.

Ключевые слова: историческая память, имагология, Наполеон, I военная кампания 1814 г. во Франции, антирусская пропаганда, казаки

Наполеоновская империя всегда занимала совершенно особое место в исторической памяти французов. Свидетельство тому — многочисленные места памяти и коммеморации Франции: юбилейные торжества и художественные фильмы, исследовательские институты и сообщества реконструкторов, музеи и галереи, кладбища и монументы и т. п. И это не только гордая память о зените славы, но и философско-скорбящая — о закате, о крахе. В своей диссертации Бенуа Блондо пишет: «Вторжение 1814 года осталось в коллективной памяти как одна из самых эпических страниц в истории Первой Империи: десятки тысяч молодых неопытных солдат пытались героически сопротивляться войскам, превосходящим их числом».¹ Проблематика исторической памяти стала настолько популярной, что сегодня некоторые французские историки именно через обращение к ней обосновывают актуальность своих исследований.

¹ Blondeau B. Les occupation militaire etrangeres en 1814 et 1815 dans le Val de Sâon, le Beaujolais et la Domdes. Lyon, 2013. P. 7. URL: <https://www.assosehri.fr/.../invasion-de-1814-1815-val-de-sa-ne-et-dombes.pdf> (дата обращения: 23.02.2014).

Гладышев Андрей Владимирович — д.и.н., профессор кафедры истории нового, новейшего времени Саратовского государственного университета (г. Саратов) E-mail: Gladav2002@mail.ru

В исторической памяти французов и французской историографии важное место занимает как общий образ России, так и отдельные его составляющие. Французы писали о России много: есть даже несколько солидных исследований о том, что они писали о России и как ее воспринимали. Но, несмотря на все усилия мемуаристов и историков, как констатирует в своей последней книге Ален Безансон, знание французского обывателя часто сводится к двум базовым стереотипам: в России были казаки, а сама она была «тюрьмой народов».²

Казаки оставили глубокий след в исторической памяти французов: интерес к ним выделяется даже на фоне интереса ко всему русскому и российскому вообще. Двести лет назад для массового сознания западных европейцев они стали одним из главных символов России.

Историческая память, являясь подвидом массового сознания, изменчива и избирательна. Но мы должны признать, что есть и некие границы текучести, что в коллективной памяти (в массовом сознании) существуют если не константы, то феномены большой длительности и устойчивости. И одним из таких феноменов является образ «врага». Восприятие «другого» занимает одно из важнейших мест в формировании коллективной памяти (коллективной идентичности) в силу хотя бы имманентной

² Besançon A. Sainte Russie. Paris, 2012. P. 7.

интенциональности человеческого сознания. Таким образом, предметные поля имагологии и изучения исторической памяти пересекаются.

Рассмотрим на примере образа «казака», сложившегося у французов в 1814 г., как конкретный образ «другого» функционирует в коллективной памяти. Для понимания масштабности задач, связанных с изучением исторической памяти, вспомним источники ее формирования: школьные учебники и вузовские курсы, исторические пьесы, оды, повести, романы (а со временем и исторические фильмы), коммеморации и визуальные места памяти, повседневные практики, прессу и «глобальную паутину». К ним относятся также те источники, что отражают некогда непосредственные впечатления, истории, передаваемые из уст в уста: семейные предания, народные сказания и легенды, письма и дневники, в которых отразились слухи, рассказы очевидцев и т. п. Наконец, мы должны учитывать процессы взаимовлияния историографии и исторической памяти, исторического сознания и массового сознания. Последнее утверждение может вызвать некоторый скепсис, связанный с критической оценкой историками собственных усилий по формированию массовых представлений о прошлом: влияние историков на общественное мнение в стране, которая пережила череду радикальных идеологических разворотов, тем меньше, чем больше эти историки стремились соответствовать этим разворотам. Но мы сейчас ведем речь о Франции, а там, как признавал Пьер Нора, именно история (историки) распоряжалась национальной памятью.

В последние годы историки, стремящиеся «преодолеть недостатки национальных нарративов», используют термин «этноисториографический стереотип», под которым понимают как «представления об исторической науке той или иной страны» (изучение чего, на мой взгляд, является бесперспективным), так и «функционирующие в исторической науке этнические стереотипы». При такой постановке проблемы объект исследования сужается от массового сознания до «профессионального» исторического знания. При всей условности, конвенциональности и относительности определения «профессионального» исторического знания мы должны признать, что историки не только развенчивают мифы (стереотипы), но и создают их, что в многочисленной и пестрой среде историков есть своя коллективная

память, свое популярное знание о прошлом и что историки прекрасно понимали и понимают значение идентификационной («национально-патриотической») функции истории, подразумевающей, в частности, трансляцию этносоциальных стереотипов. Поэтому представляется оправданным уделить отдельное внимание отражению образа казака 1814 г. во французской историографии, которую надо рассматривать как один из каналов формирования коллективной памяти общества в целом (учитывая, что историки, как сегмент общества, имеют собственную (корпоративную) коллективную память).³ Причем наряду с работами, посвященными собственно казакам в 1814 г., имеет смысл привлечь и сочинения более общего характера: для анализа исторической памяти важны не только специальные исследования, но и штампы, «проговорки», бессознательные, неотрефлексированные образы, т. е. *историческая память историков*.

«Образ казака в 1814 г.» не может быть рассмотрен изолированно от общего «образа казака», «образа России», «образа врага», «образа оккупанта», «образа войны 1814 г.», «образа краха Империи» и т. д. Тщательное изучение всех этих составляющих исторической памяти и различных вариаций образа «другого», учитывая 200-летний период существования некоторых из них, потребовало бы значительной части жизни историка или усилий небольшого научного коллектива. Попытки провести аналогичные исследования показывают, что речь идет о диссертационном масштабе.⁴ Поэтому сейчас вынужденно откажемся от анализа «всей совокупности источников» и ограничимся примерами и, соответственно, претензиями лишь на «постановку проблемы».

В ходе военной кампании 1814 г. гражданское население Франции вынуждено было самым непосредственным образом познакомиться с русскими казаками. Это был первый столь массовый контакт. Естественно, в общественном сознании французов к 1814 г. уже сложились определенные представления о казаке: образ «другого» содержал в себе и

³ В этой связи возникает главный теоретический вопрос: если история памяти — проблема конституирования и континуитета надывидеального «знания», то как историографию (индивидуальный взгляд) вписать в коллективную (надывидеальную) память?

⁴ См.: Постникова А. А. Великая армия Наполеона на Березине: событие — память: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013.

стереотипические черты, навязанные «сверху» (в нашем случае — наполеоновской пропагандой), и архетипические черты, впитанные поколениями французов едва ли не с XVI в.

Если охарактеризовать общее настроение гражданского населения Франции, ожидающего встречи с казаком, то это страх и любопытство. Казаки были *страшно интересны* французским обывателям, точнее, и страшны, и интересны. И этот страх повлиял на интонацию многих описаний.

Под «казаком», на которого жаловались французы, мог пониматься и действительно русский казак, и гусар — военный русской легкой кавалерии, и калмык, и башкир. Французы могли использовать термин «казак» как синоним вообще легкой кавалерии или любых охотников за чужим добром, не отличая пруссаков от русских, а венгерских шеволезеров — от освобожденных испанских военнопленных. И среди самих французов находились желающие «под шумок» (а шума было более чем достаточно) присвоить себе имущество соседа: называя себя «казаками», они пускались в грабительские рейды по соседним районам.

В рамках военной кампании 1814 г. наполеоновская пропаганда в информационной войне активно использовала печатное слово: в газетах публиковались «письма из армии» и «адреса депутатий от муниципалитетов», повествующие о бесчинствах «казаков». Мэрам городов, в которых побывали казачьи отряды, министры Наполеона прямо предписывали отправлять в Париж для предания гласности подробности о «казачьих насилиях», вне зависимости от того, имели ли насилия место на самом деле. Отдельными брошюрами выходят антиказацкие памфлеты, печатаются эстампы, наглядно иллюстрирующие казачью жестокость, в ход идут даже псевдоказачьи песни, в которых якобы поется о том, что «золото и женщины станут здесь нашей добычей», что французские «дети и женщины заселят наши пустынные просторы».⁵ Информационная война была масштабной и беспринципной. И не случайно многие французские авторы мемуаров, дневников, писем, заводя разговор о своей встрече в 1814 г. с «казаками», делали оговорку: «казаки, о которых мы столь много слышали»...

⁵ L'Élan Parisien, chant national, suivi d'un chant guerrier traduit du russe et d'une notice sur diverses peuplades qui fournissent à la Russie les troupes indisciplinées connues sous le nom de Cosaques, par M. P. D. Paris, 1814. P. 10.

Журнал «Bibliographie de la France: ou Journal général de l'imprimerie et de la librairie» за 1814 г. с января по март регулярно указывает на появление гравюр, изображающих казаков, куплетов о казаках и даже «завещаний казаков». В начале марта анонсирована анонимная брошюра с показательным заглавием «Казаки, или Разбойники Севера».⁶ После заключения перемирия в апреле 1814 г. казаки в заглавиях книг и брошюр почти не упоминаются, как будто во Франции казаков вообще нет! Но вот русские части постепенно покидают территорию Франции, и с июля 1814 г. вновь начинают выходить в свет гравюры, песни, памфлеты, посвященные казакам. По большому счету никакой реабилитации казаков за все обвинения в их адрес со стороны наполеоновской пропаганды не происходит, разве что художники предпочитают теперь изображать казаков не свирепыми дикарями, а малокультурными увальнями, а композиторы используют их экзотические напевы.⁷

При изучении исторической памяти для нас важно не только то, кто и что писал, но и то, кого в первую очередь читали, к чьему мнению прислушивались, чьи оценки транслировали. Главное место в просвещении французов относительно казаков в 1814 г. заняли книги «История казаков» Ш.-Л. Лезюра⁸ и «Казаки или Исторические подробности об их нравах, одежде, оружии и манере этого народа вести военные действия...» Л. Ж. Карра.⁹

Увлеченный идеей д'Отерива о независимой от России Украине, которой можно было бы пугать Александра I, Наполеон в 1812 г. поручает Лезюру написать «Историю казаков». Его более чем 500-страничная книга датирована 1813 г., но в продажу тогда она не поступила; ее экземпляры, указывает Жан Брюнон, хранились в «ведомстве герцога Бассано до 1814 г.».¹⁰ В свет книга Лезюра вышла с предисловием, в котором автор писал, что переход казаков зимой 1814 г. через Рейн и их проникновение в сердце Франции лишь оживили его первоначально чисто академический интерес

⁶ См.: Bibliographie de la France: ou Journal général de l'imprimerie et de la librairie. 1814. № 3. P. 25, 39 et suiv.

⁷ Ibid. № 9. P. 192, 222, 227, 267.

⁸ Lesur Ch.-L. Histoire des cosaques. Paris, 1814.

⁹ Karr L. J. Des cosaques ou détails historiques sur les mœurs, coutumes, vêtements, armes; et sur la manière dont ce peuple fait la guerre; recueillis de l'allemand. Paris, 1814.

¹⁰ Brunon J. Les Tatars au service de Napoléon. URL: <http://assosehri.fr/labibliothequesc/les-tatars.pdf> (дата обращения: 8.03.2014).

к казакам¹¹. Когда книга Лезюра дошла до читателей, она была расценена как актуальная, достаточна информативная для той эпохи и к тому же написанная ясно и даже элегантно. Парадокс истории заключался в том, что за этот предназначенный для Наполеона труд Лезюр в 1816 г. получит награду от Александра I¹².

Это произведение Лезюра — компиляция на основе западноевропейских источников. Лезюр сравнивает быт и нравы черноморских казаков с обычаями гуннов и печенегов. Но, в то время как власти Франции старались представить казаков исключительно «монстрами»,¹³ у Лезюра читатель мог обнаружить и некоторые их положительные характеристики: гостеприимство, порядочность и др. Подобного похвального слова казакам в те времена во Франции больше не найти.

Важно также отметить, что казаки для Лезюра не социальное понятие, а этнографическое: он видит в них обособленный народ, имеющий свое собственное историческое лицо. Невзирая на общность языка и религии, он разделяет русских и казаков, отвергая их родственные связи. При этом, считая и казаков, и русских крестьян «дикарями», Лезюр выступает против отмены крепостного права в России.

Книга Лезюра — определенный итог изучения казаков во Франции накануне вторжения русской армии.¹⁴ Книга Л. Ж. Карра — первое сочинение, появившееся уже в мирное время и отражающее точку зрения на пребывание казаков на территории Франции. Журнал «Bibliographie de la France: ou Journal général de l'imprimerie et de la librairie» поместил анонс о выходе в свет этой книги в № 35 от 10 сентября 1814 г. На титульном листе книги указано, что это «перевод с немецкого», но ни фамилии переводчика, ни ссылки на немецкое ори-

гинальное издание нет. Название последней главы — «Анализ различных русских народов, которые сегодня служат в качестве казаков» — свидетельствует о том, что автор, в отличие от Лезюра, четко различает этнографию и социологию. Среди народов России, которые часто служат в качестве казаков, перечисляются татары, черемисы, мордва, башкиры, калмыки, вогулы, вотяки, остяки, финны, чуваша, киргизы, тунгусы, камчадалы и др., «которые еще недавно, смешавшись с донскими и украинскими казаками, стояли лагерем на Елисейских полях».¹⁵

Острые критики Карра направлены даже не против «донских и украинских казаков», а против этих «различных орд, приученных к грабежу и разрушению». Карр сообщает, что якобы слышал о недовольстве некоторых из «диких» казаков, которые при виде богатств, выставленных на показ в Пале-Рояль, недовольно ворчали и выражались в том смысле, что, если бы они знали, что здесь им не разрешат грабить, они не пошли бы в поход сами со своими сыновьями, а отправили вместо себя своих слуг.¹⁶ Но, замечает Карр, они все же компенсировали «это неудобство» разграблением Шато-Тьерри, Реймса, Шалона, Труа, всего Эльзаса и Лотарингии, а также других регионов Франции и Германии, «где никакие строгие запреты не могли помешать им практиковать свои варварские обычаи, которые, казалось, стали их второй натурой».¹⁷ Карр уверяет, что именно казаки *всегда* больше всего досаждали населению вражеских стран: в Семилетнюю войну они во главе с генералом Апраксиным, как в свое время гунны, предали огню и мечу Пруссию. То же было и в Польше в 1794 г.: автор припоминает «жестокому Суворову» попустительство в разграблении пригорода Варшавы. Обобщая все эти примеры, Карр делает главный вывод: казаки должны как можно быстрее оставлять территорию завоеванных стран.¹⁸

Так книги Лезюра и Карра обозначили этнографическое и социологическое понимание казаков французами, которые в большинстве своем их смешивали. Даже те немногие авторы, которые старались изъясняться с читателем языком понятий и пытались классифицировать казаков, постоянно сбивались на язык

¹¹ См.: Lesur Ch.-L. Op. cit. P. VIII.

¹² См.: Corbet Ch. L'Opinion française face à l'inconnu russe (1799–1894). Paris, 1967. P. 80.

¹³ Так утверждает Ж. Антрэ (см.: Hantraye J. Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon. Paris, 2005. P. 223), стремление к демонизации врага, представление его как «варвара», по-звериному жестокого насильника и убийцы — общая черта образа врага, не зависящая от времени и места. См.: Мельвил А. Образ другого, образ врага // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 25.

¹⁴ В. Ададулов, посвятивший этой работе Лезюра отдельный раздел в своей монографии, считает ее важным источником информации об Украине для иностранцев на протяжении всего XIX в. См.: Ададулов В. «Наполеоніда» на Сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку XIX століття. Львів, 2007. С. 205.

¹⁵ Karr L. J. Op. cit. P. 83.

¹⁶ Ibid. P. 84.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. P. 89, 90.

образов, приводя сочные этнографические зарисовки. И в конечном итоге этот язык образов одержит победу: в памяти останутся не сухие перечни разновидностей казачества России, а обобщенно-собирательный образ. В целом же представление о казаках как об отдельном народе больше характерно для сельской или малопросвещенной Франции, а представление о казаках как о сословии (или как о разновидности легкой кавалерии), состоящем из различных этносов, — для людей более образованных (или менее ангажированных, чем Лезюр).

В 1815 г. картина была примерно той же, что и в 1814 г.: французов больше интересовал образ казака вообще, чем детали его поведения. Во Франции издавались памфлеты, ставились спектакли: в марте 1815 г. в театре «Амбигю-Комик» уже шла трехактовая футуристическая мелодрама В. Дюканжа «1835 год, или Дитя Казака». Журнал «*Bibliographie de la France: ou Journal général de l'imprimerie et de la librairie*» за 1815 г. анонсирует появление «Марша казаков» — вариации для фортепьяно г-на Лобри, — а также нескольких гравюр А. И. Зауервейда (Souerweid), Карла Верне (Vernet) и анонимных авторов, среди которых обращают на себя внимание «Иррегулярный казак в одежде мужчины, которого он ограбил» и «Иррегулярный казак в одеждах женщины, которую он ограбил». Интерес к казакам во Франции не ослабевал, тем более что в русский Оккупационный корпус входил и полк казаков. И дело здесь не в истории как таковой, а в стремлении массы французов (как гражданских, так и военных), как выразился Ж. Антрэ, «участвовать в создании образа другого».¹⁹

Как только во Франции наступает относительная стабильность и ослабляется цензура, французы торопятся «историоризировать» события. Быстро растет количество военно-исторических исследований и мемуаров, среди авторов которых встречаются такие, кто не только не пытался непредвзято оценить действия казаков на территории Франции или их восприятие обыкновенными французами, но и транслировал стереотипы наполеоновской пропаганды в постимперское общество и в силу своего научного авторитета или бойкости пера укреплял в коллективной памяти негативный образ казака.

Кавалер Почетного Легиона за службу в наполеоновской разведке Альфонс Бошам стал, пожалуй, первым историком, который, анализируя события 1814 г., представил казаков монстрами. Описывая передвижения войск антифранцузской коалиции, он упоминает о казаках с военной точки зрения нейтрально — как о разновидности легкой кавалерии. Но, когда дело доходит до оценки тех или иных событий, казаки получают исключительно негативную окраску.

С одной стороны, Бошам понимает, что представление о казаках как о жестоких и диких «арабах Севера»²⁰ — плод усилий наполеоновской пропаганды. Журналисты — «регуляторы общественного мнения», — вдохновляемые министром полиции Савари, старались любыми средствами довести до сознания французов, что если они в массе не поднимутся на защиту родины, то «казаки, эти арабы Севера, уже в феврале придут, чтобы диктовать им свои законы».²¹

С другой стороны, Бошам опубликовал в качестве приложения к своей работе многочисленные документы, отрывки из депеш, донесений, армейских бюллетеней и деклараций. Но при описании бесчинств казаков²² надежность источников Бошама сомнительна: он ссылается на некие «новости из армии», которые читала императрица. Понятно, что эти «новости» — продукт наполеоновской пропаганды, оттого-то Ее Величество и читала лишь о грабежах да изнасилованиях старух и малолеток, убеждаясь в том, что «преступления казаков не поддаются описанию».²³ Бошам не проявляет критичности по отношению к этим сведениям. В результате смешение донесений конкретных генералов и чиновников с анонимными произведениями наполеоновской пропаганды создает иллюзию достоверности последних. Бошам транслирует образ казака — орудия устрашения, дикаря во всех своих проявлениях — от внешнего

²⁰ Эта метафора имела и физиологическое обоснование. Как рассказывали в 1818 г. французским обывателям издатели «Исторической библиотеки», ссылаясь на «английские газеты», «казаки опасны не столько из-за их количества, сколько из-за их способности терпеть в неведомой стране лишения любого рода. Как арабы-бедуины в Египте». См.: *Bibliothèque historique ou Recueil de matériaux pour servir à l'histoire du temps*. Paris, 1818. P. 17.

²¹ Beauchamp A. Histoire de la campagne de 1814: et de la restauration de la monarchie française. Paris, 1815. T. 1. P. 56.

²² Ibid. P. 451, 468.

²³ Ibid. P. 468.

¹⁹ Hantraye J. Op. cit. P. 230.

вида до манеры принимать пищу.²⁴ Сочинение Бошама — пример того, как массовое сознание влияет на работу историка и, одновременно, как историк транслирует в те же массы пропагандистские стереотипы, выдавая их за профессиональные знания. Мифология, таким образом, проявляет не только жизнестойкость, но и способность к самопроизводству.

Общий образ России и частный образ казака коррелируют между собой. М. Кадо весьма осторожно упоминает о «плохих воспоминаниях о казаках»,²⁵ сохранившихся у крестьян Шампани, на общем фоне благожелательного отношения к России общественного мнения во Франции в первые десять лет Реставрации. Но новое обострение восточного вопроса и очередной виток разговоров о «русской угрозе» в начале 1820-х гг. заставили французских публицистов, мемуаристов и историков быстро изменить интонацию. В 1821 г. в Париже вышла в свет книга Раймонда Фора «Воспоминания о Севере, или Война, Россия и русские, или Рабство». «Revue Encyclopédique» М.-А. Жюльена дала похвальный отзыв об этом издании, назвав автора «проницательным и здравомыслящим наблюдателем».²⁶ У Фора не нашлось ни одного доброго слова о России. Столь же негативно настроены по отношению к России и малооригинальны в своих ядовитых стрелах муссирующие ту же тему «русской угрозы» книги «Современное состояние России» Жана-Мари Шопена и «Россия и рабство» Поля Дюкре де Пасенана. Исследовательская литература «общего содержания» в 1824 г. пополнилась также книгой де Лагарпа о запорожских казаках. Казачество в ней изображается, как сегодня сказали бы, в стиле

фэнтези: казаки — это почти подземные жители, обитающие в полуземлянках, необычайно жестокие, существующие за счет сбора дани и грабежа. От них натерпелись даже в Киеве; вообще, в старой Украине страдали бедные паны, а блаженствовали «сильные и кроваважные казаки».²⁷ Развивая «казачью тему», в 1825 г. П.-Ж. Беранже в «Песни казака»²⁸ вывел образ «казака-завоевателя», бунтаря, носителя дикой и необузданной силы, который способен уничтожить европейскую цивилизацию...

1820-е гг. вышла череда мемуаров, включая воспоминания самого Наполеона, секретаря его кабинета А. Ж. Ф. Фэна, полковника Ж. Шамбрэ, а также С. Дюрана, А. А. Жомини, Ж. Ж. Пеле-Клозо, Л. П. Э. Биньона и др. Пять томов посвятил чисто военной стороне кампаний 1814 и 1815 гг. Гийом де Водонкур, плененный в 1812 г. и вернувшийся на родину только в июне 1814 г. Он часто упоминает казаков, главным образом беспристрастно констатируя их перемещения, участие в сражениях и т. п. Тем не менее иногда и у него встречаются «проговорки», характеризующие личное отношение автора к казакам. Так, он упоминает, что при отступлении войск союзников из Шато-Тьерри там был оставлен «генерал Карпов с казаками. Этот несчастный город в течение всего дня 13-го числа и следующей ночи подвергался грабежу и прочим гнусностям, которые обычно не имеют места среди народов, приобщенных к культуре. Командиры не предприняли больших усилий, чтобы обуздать эти эксцессы».²⁹ Временами кажется, что автор готов возмутиться тем, что азиаты ведут войну «не по правилам». Г. де Водонкур, впрочем, сетует и на разграбление Бурга австрийцами Бубны и на другие случаи грабежей: казалось бы, в этом отношении казаки стоят у него в общем ряду европейских армий. Но автор явно не склонен относить казаков к «цивилизованным» или «приобщенным к культуре» народам. Пытаясь быть тонким и остроумным, Г. де Водонкур позволяет себе такой замысловатый пассаж: «Может быть, нас упрекнул в увеличении численности русских войск путем включения

²⁴ Вот как он описывает занятие Провена авангардом армии П. Х. Витгенштейна: «Русские солдаты, казаки, башкиры, калмыки стали лагерем в городе: никогда татары (Tartares) не были столь близко от Парижа; это было очень удивительно для жителей деревень Бри (Brie) — видеть врагов внешним обликом столь необычных и диких, зажаривающих целиком баранов на костре из срубленных деревьев прямо на дороге и с жадностью проглатывающих куски мяса, еще наполовину с кровью». Присутствие этих «недисциплинированных» орд, значительные реквизиции, которые генералы союзников возложили на города и села, чтобы кормить свои войска, «грабежи и эксцессы» — все это неизбежно вызывало сопротивление населения. И опять из «новостей из армии», регулярно сообщаемых императрице, читатель узнает о том, как в некоем казачьем отряде из 250 человек погибло 120 человек, причем не в результате военных операций, а от рук возмущенных крестьян. См.: Beauchamp A. Op. cit. P. 316, 317.

²⁵ Cadot M. L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856). Paris, 1967. P. 10.

²⁶ См.: Ларионова Е. О. История о докторе Форе в русском племени // Пушкин и его современники. Вып. 5 (44). СПб., 2009. С. 5.

²⁷ См.: Горленко В. П. Южнорусские очерки и портреты. Киев, 1898. С. 146.

²⁸ Béranger. Oeuvres complètes de Béranger. Francfort/M., 1855. Vol. 2. P. 42.

²⁹ Vaudoncourt G. Histoire des campagnes de 1814 et 1815, en France: 5 vol. Paris, 1826. Vol. 1. P. 327, 328.

в нее казаков. Но иностранные авторы, как и те, которые у нас расточают похвалы войскам коалиции, весьма экзальтированы ценностью и заслугами этих полудикарей; они нам повествуют об их невероятных подвигах с такой любезностью, что мы отказали бы всем казакам, какова бы ни была их одежда, в уважении, если бы мы уменьшили численность армии коалиции».³⁰ Из этого отрывка видно, что Водонкур думает о казаках как о «полудикарях».

Ему вторит мемуарист Леруа, который в 1829 г., рассуждая о казаках, заметил: «В сердцах казаков для чувствительности и симпатии не больше места, чем в патронных сумках пруссаков».³¹

В том же году барон Луи Франсуа Жозеф Боссе изображает казаков как грабителей, которые грабят, невзирая на национальность.³² Но главный лейтмотив его воспоминаний о казаках — страх. Описывая отъезд императрицы из Орлеана в Рамбуйе в 1814 г., он с боязливой осторожностью отзывается о казаках, которые сопровождали их в дороге, «выставив свои пики так, как будто они конвоировали пленных». К счастью, в Рамбуйе сопровождавший императрицу Боссе обнаружил «регулярных казаков, более цивилизованных, чем те, что нас сопровождали в дороге, и несших службу весьма аккуратно и корректно».³³

Враждебность по отношению к России еще более усилилась после польского восстания 1830 г., когда многие французы хотели записаться в корпус волонтеров для помощи повстанцам. Лейтмотивом длинного ряда «Песен казаков» (Барбье и др.) стал ужас перед Россией — жандармом Европы, перед страной варваров, потопивших в крови польскую свободу. Отсюда и вереница антиказацких и антироссийских филиппик, прогнозирующих роковую роль России в судьбе Европы. Стереотип «кроважидного казака» находим, например, в опубликованном в 1831 г. сочинении фран-

цузского новеллиста и романиста, противника Июльской монархии, Ж. Л. Э. Годфруа Кавеньяка «Резня казаков».

М. Кадо писал, что он пришел к «довольно неожиданному выводу»: за изученный им период с 1839 по 1856 гг. «враждебные и доброжелательные отзывы французов о России взаимно уравниваются, если не по их важности, то, по крайней мере, численно». Однако «Россия в 1839 г.» маркиза де Кюстина явно нарушала этот баланс.³⁴ Естественно, русские войска в Венгрии и Крымская война также добавили негативные черты к образу России. Мифология казака играла важную роль в антироссийской идеологии времен Крымской войны.

Не обошла вниманием тему казаков и французская литература. После Беранже, Годфруа Кавеньяка и фельетонистов времен Крымской войны настоящий всплеск интереса к теме казачества произошел во французской литературе в 1860-е гг. В предисловии к своей книге «Вторжение в Верхнюю Марну в 1814 году» Ф. Стинакер писал, что «вот уже некоторое время» эпоха 1814 г. привлекает к себе особое внимание публики благодаря романам «Резня казаков» Годфруа Кавеньяка, «Вторжение» Эркмана-Шатриана и сочинению Эдуарда Флери «Истории департамента Эн в 1814».³⁵ Успех романа Эркмана-Шатриана подтолкнул других авторов. В 1866 г. в одном марсельском издании появилась публикация, автор которой признавался, что взятая за перо его побудило прочтение романа Эркмана-Шатриана «Вторжение». При этом он настаивал, что его повествование — не плод игры воображения, не фантазия с исторической канвой, а подлинная история, *воспоминание*.³⁶ Через четыре года после романа Эркмана-Шатриана увидел свет роман «Казаки в Париже» П. А. Понсона дю Террайля, в котором «старый Казак», имеющий «замки и сотни крестьян», соблазняет бедную юную Наннет. Углубился в казачью тематику и Проспер Мериме, который, возможно, еще мальчишкой наблюдал русских казаков в Париже.³⁷ В 1865 г. вышли его «Казаки Украины и их последние атаманы». Литературоведы в этой связи лишь сетуют на то, что образ казака уже

³⁰ Ibid. P. 114.

³¹ Leroy (Aimé). Fragments sur l'histoire du Nord de la France en 1815, adressés en forme de lettres à M. Abel du Pujol // Archives historiques et littéraires du Nord de la France. T. I. Valenciennes, 1829. P. 342

³² См.: Bausset L. F. J. Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du palais et sur quelques événements de l'Empire, depuis 1805 jusqu'au 1er mai 1814, pour servir à l'histoire de Napoléon: 4 vol. Paris, 1827–1829. Vol. 2. P. 87. Описывая вступление французов в Москву, он упоминает, что авангарду французов пришлось прогнать из города казаков, которые «без сожаления грабили последних жителей, не захотевших оставить город». См.: Ibid. Vol. 2.

³³ Ibid. P. 258

³⁴ Cadot M. Op. cit. P. 11.

³⁵ Steenackers F.-F. L'invasion de 1814 dans la Haute-Marne. Paris, 1868.

³⁶ См.: Laforet A. Un Souvenir de collègue. Les cosaques a Juilly en 1814 // Revue de Marseille et de Provence. 1866. T. 22. P. 238.

³⁷ См.: Виноградов А. К. Мериме в письмах к Дубенской. Письма семье Лагрэнэ. М., 1937. С. 11.

имел к тому времени во французской историографии «эмблементарный и совершенно трафаретный характер, далекий от всякой исторической конкретики», и что «можно с уверенностью утверждать, что лишь считанные единицы из читателей Мериме подозревали о различии между запорожским и, положим, донским казачеством».³⁸

«Охота казаков, или Шампань в 1814» Т. де Робвилля³⁹ и появившиеся в том же 1869 г. «Союзники в Шампани. 1814» Нарцисса де Бланпена⁴⁰ и «Донские казаки в Шампани» Жана Батиста Руси-Руси⁴¹ немного запоздали: к тому времени литература активно эксплуатировала тему крестьян, защищающих самих себя от иноземных захватчиков.

Нарцисс де Бланпен использовал тот же прием, что и Эркман-Шатриан: автор якобы записал воспоминания одного старика, которые тот рассказывал детям и внукам у камина. Конечно, казаки заняли в повествовании подобающее «страшилкам» место. Бланпен писал: «При малейшем сопротивлении, оказанном их ордам, они угрожали смертью, избиением людей, сожженными домами и брошенными жилищами». По свидетельству автора, якобы в его время, т. е. в 1869 г., старики все еще «приходят в ужас при одном только упоминании о казаках, ибо этим именем крестьяне называли все недисциплинированные орды (*toutes les bandes indisciplinées*), которые отметились в деревнях насилием, жестокостью и проявлением низменных страстей».⁴² Тут же в качестве «доказательства» приводится подобающая история: когда в Ванди очень красивая девушка ответила пощечиной на притязания «атамана», который к тому же шантажировал ее, угрожая матери, то и ее саму, и ее мать раздели и высекли кнутом на общественной площади...⁴³

Бланпен подчеркивал также любовь казаков к водке⁴⁴ и утверждал, что после получения известия о взятии Парижа они повели себя особенно разнузданно: «не было предела их насилиям и кровавым репрессиям». И вот образ завершен — автор пишет: «Они пере-

мещались по стране, убивая людей, сжигая их дома и фермы. С яростью набрасывались на девушек и женщин, чтобы удовлетворить свои низменные и брутальные страсти».⁴⁵

Только «жизненная нужда» в союзнике заставила французов после 1871 г. отказаться от привычки свысока судить о России. «Длительное существование у французов предубеждений по отношению к внешнему миру, прогрессирующее ослабление уверенности французов в своем превосходстве и, наконец, ее внезапное обрушение — вот основная кривая изменений французской души в XIX веке»⁴⁶ — писал Ш. Корбе. Только в последней трети XIX в. во французской историографии утвердилось мнение о том, что казаки вели себя еще относительно терпимо по сравнению с пруссаками, поскольку главным олицетворением «врага» после франко-прусской войны стал немец: не случайно злым собакам французы на севере и северо-востоке Франции часто давали кличку «Блюхер» (Блюхер был командующим Силезской армией в 1814 г.).

Казаки (и русские в целом) оставили после себя как ментальные, так и вполне материальные «места памяти»: они оказали влияние на французскую моду (широкие панталонны поверх сапог), на практику развлечений («русские или московские горки»), на язык (в течение некоторого времени после 1814 г. в деревнях на востоке Франции, например в Арденнах, про изнасилованную женщину говорили *cosaquée* 'оказачена'). Н. А. Бестужев рассказывал, как в день взятия Парижа один подвыпивший француз клялся русским офицером, что «завтра пойдет с русскими *cosaques* le Paris и поведет их в самые лучшие дома».⁴⁷

Народная память сохранила топонимы, связанные с казаками (Лес казаков, Крест казакам и т. п.): места, напоминающие об их присутствии, давно уже стали местной достопримечательностью. Казаки часто фигурировали и в семейных преданиях французов. «Сведения о каких-то еще более отдаленных событиях были переданы мне устно, в семье. Мне запомнилось лишь вторжение казаков. Моя бабушка помнила рассказ своей бабушки», — писал в 1986 г. Ж. Дюби.⁴⁸

³⁸ Орехов В. В. Казак-флибустьер в критике П. Мериме. URL: <http://www.levlivshits.org/index.php/materials/doklady/149-2010-10-13-14-30-56.html> (дата обращения: 05.04.2014).

³⁹ Robville T. de. *La chasse aux Cosaques, ou La Champagne en 1814*. Paris, 1869.

⁴⁰ Blanpain N. de. *Les Alliés en Champagne. 1814*. Paris, 1869.

⁴¹ Roussy-Roussy J.-B. *Les Cosaques du Don en Champagne: roman historique: épisodes de 1814*. Saint-Masmes, 1869.

⁴² Blanpain N. de. *Op. cit.* P. 61.

⁴³ *Ibid.* P. 62.

⁴⁴ *Ibid.* P. 82.

⁴⁵ *Ibid.* P. 102.

⁴⁶ Corbet Ch. *Op. cit.* P. 8.

⁴⁷ Бестужев Н. А. Русский в Париже 1814 года // Бестужев Н. А. Избранная проза. М., 1983. С. 7.

⁴⁸ Дюби Ж. Наслаждение историка // Французский ежегодник. 2002. М., 2002. С. 224–225.

Французы умеют гордиться даже тем, чем, казалось бы, гордиться и не стоит. В 1865 г. в своем «Историческом словаре департамента Эн» Максимильтен Мельвилль писал: «В имперскую эпоху в Лане *не происходило ничего интересного* (курсив мой — А. Г.), но после поражений 1813 г. город был оккупирован русскими и пруссаками...»⁴⁹ Сегодня сайты современных французских деревушек, стремясь с наиболее выгодной стороны представить поселение, не упускают случая упомянуть об исторических личностях, родившихся или просто когда-то побывавших здесь, о наиболее значительных событиях, как-то связанных с данной коммуной. Достойное место среди

таких исторических событий, по мнению редакторов этих сайтов, занимает оккупация 1814 г.: путешественникам охотно напоминают о том, что здесь некогда побывали казаки, т. е. это событие становится предметом гордости. В этой связи уместно привести цитату из «Приключений Тома Соьера» Марка Твена: «Один бедняга, который не мог похвастаться ничем другим, сказал, явно гордясь таким воспоминанием: “А меня Том Соьер здорово поколотил один раз!” Но эта претензия прославиться не имела никакого успеха. Почти каждый из мальчиков мог сказать про себя то же самое, так что это отличие ничего не стоило».

Andrey V. Gladishev

Doctor of Historical Sciences, Saratov State University (Russia, Saratov)

E-mail: Gladav2002@mail.ru

COSSACKS IN FRANCE IN 1814: IMAGE AND COLLECTIVE MEMORY

The article describes the French people's perception of a “Cossack” which evolved in 1814 and stayed functional in the collective memory of subsequent generations. The discussion was focused on historical memory of historians, the French authors of the first half — middle of the 19th century who described the events of 1814 when communicative memory of the time was still alive. The author studied both mental and material “sites of memory” associated with the Cossacks: toponyms, linguistic and cultural borrowings, municipal sites.

The image of a “Cossack” in the minds of the French population was a long-term phenomenon, a symbol of Russia. French historiography was one of the important channels for the formation of this image. Historiographic tradition of cossacks' representation contained many preconceived ideas going back to the Napoleonic anti-Russian propaganda. In the primary sources the notion “Cossack” was used in different meanings and sometimes had nothing to do with the cossacks themselves. The novels of the middle of the 19th century feeding on the topic of peasants protecting their families from foreign invaders fixed in the collective memory of the French people an image of a cossack-barbarian.

Key words: *Historical memory, imagology, Napoleon, campaign in 1814 in France, the anti-Russian propaganda, the Cossacks*

REFERENCES

Adadurov V. «Наполеонида» на Сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття [“Napoleonida” in Eastern Europe: presentation, projects and activities of the government of France on the south-western outskirts of the Russian Empire in the XIX century]. Львів: vidavniststvo Ukraïnskogo Katolitskogo universitetu Publ., 2007, 560 p. (in Ukrainian).

Besançon A. *Sainte Russie* [Holy Russia]. Paris: Editions de Fallois, 2012, 166 p. (in French).

Bestuzhev N. A. *Izbrannaya proza* [Selected prose]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1983, 336 p. (in Russ.).

Blondeau B. *Les occupation militaire etrangeres en 1814 et 1815 dans le Val de Sâon, le Beaujolais et la Domdes* [The foreign military occupation in 1814 and 1815 in the Loire Saon, Beaujolais and Domdes]. Lyon: Société des Etudes Historiques Révolutionnaire et Impériales, 2013, 322 p. (in French).

Brunon J. *Les Tatars au service de Napoléon: projet de soulèvement des cosaques et des tartares au profit des Armées françaises et aperçu historique sur l'escadron de tartares lithuaniens de la Garde impériale, 1812–1814* [Tatars in the service of Napoleon draft uprising Cossack and Tartar in favor of the French Armed

⁴⁹ Melleville M. Dictionnaire historique du département de l'Aisne. Paris, 1865. T. 2. 1865. P. 14.

Forces and historical overview of the Lithuanian Tartar squadron of the Imperial Guard, 1812–1814]. Marseille: Raoul et Jean Brunon, 1938, 10 p. (in French).

Cadot M. *L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856)* [The image of Russia in the French intellectual life (1839–1856)]. Paris: Fayard, 1967, 645 p. (in French).

Corbet Ch. *L'Opinion française face à l'inconnu russe (1799–1894)* [The French Opinion of the unknown Russian (1799–1894)]. Paris: Didier, 1967, 491 p. (in French).

Dyubi Zh. *Frantsuzskiy ezhegodnik. 2002* [French yearbook. 2002]. Moscow: Yeditorial URSS Publ., 2002, pp. 224–225. (in Russ.).

Hantraye J. *Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon* [Cossacks on the Champs-Élysées. The occupation of France after the fall of Napoleon]. Paris: Belin, 2005, 303 p. (in French).

Larionova Ye. O. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2009, pp. 5–41. (in Russ.).

Melvil A. *50/50: Opyt slovarya novogo myshleniya* [50/50: experience a dictionary of the new thinking]. Moscow: Progress Publ., 1989, pp. 25–29. (in Russ.).

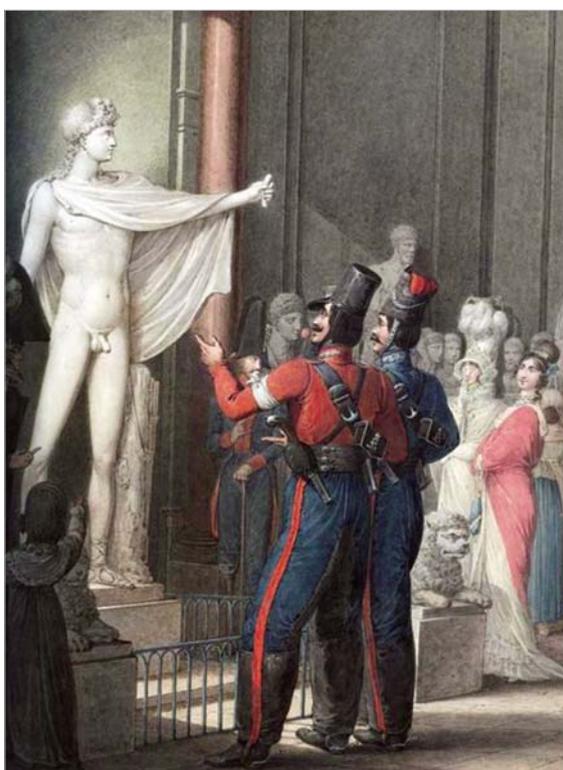
Orekhov V. V. Available at: <http://www.levlivshits.org/index.php/materials/doklady/149-2010-10-13-14-30-56.html> (accessed April 5 2014). (in Russ.).

Vinogradov A. K. *Merime v pismakh k Dubenskoy. Pisma seme Lagrene* [Merimee in letters to Dubno. Letters from family Lagrene]. Moscow: izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1937, 248 p. (in Russ.).

К статье А. В. Гладышева

Въезд императора Александра I с союзниками в Париж, 1814 г.
Хромолитография Н. А. Ризникова по рисункам А. Д. Кившенко. Конец XIX в.

«У статуи Аполлона в музее».
Из серии акварельных рисунков Г. Э. Опица
«Казачи в Париже в 1814 г.». Фонды ГИМ

Медаль «За взятие Парижа». Серебро.
Учреждена 30 августа 1814 г.
Из частного собрания

Казак, везущий в седле Людовика XVIII. Английская карикатура. Неизвестный автор, 1-я четверть XIX в. Архив Bridgeman Art Library

«Казакки проходят через город». Из серии акварельных рисунков Г. Э. Опица
«Казакки в Париже в 1814 г.» Из частного собрания